

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-3-316-324

ДИНАМИКА МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА (ДО АВГУСТОВСКИХ СОБЫТИЙ 2008 Г.)

А.О. Ласария

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27-4, 119991, Москва, Россия

В данной статье исследовательское внимание уделяется структуре и динамике мирного разрешения этнополитических конфликтов в Кавказском регионе (на примере грузино-абхазского противостояния). Распад СССР и крушение идеологии интернационализма подвели к необходимости выработки совершенно новой идентичности. Большинство элит и общественно-политических движений постсоветского периода нацелились на формирование идеологических конструкций из национальных и исторических корней. В последнее десятилетие XX в. антагонистический характер приобрели, с одной стороны, тенденции по реализации права на национальное самоопределение (в Абхазии и Южной Осетии) и, с другой стороны, по поддержанию территориальной целостности государства (например, в постсоветской Грузии). Важной политологической задачей является выявление концептуальных аспектов разрешения грузино-абхазского конфликта, которые могут лечь в основу выработки механизмов регулирования этнополитических конфликтов в Кавказском регионе.

Ключевые слова: посредничество, урегулирование, разрешение, переговорный процесс, этнополитический конфликт, Кавказский регион, грузино-абхазский конфликт, Россия, ООН

Современные мировые политические процессы недвусмысленно подводят к тому, что острые проблемы и трудности разрешения этнотерриториальных и этнополитических противоречий в Кавказском регионе являются безусловным сопутствующим фактором мирного урегулирования [13. С. 70—79]. В основе центрального кризиса переговорного процесса в регионе лежат антагонистические принципы международно-правовой системы — право наций на самоопределение и принцип территориальной целостности государства (исключающий сецессию) [9. С. 156—175].

Для формирования целостной картины динамики процесса мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта необходимо определить основные предпосылки и источники этнополитического противостояния. Первое, что следует отметить, 9 апреля 1991 г., когда Верховный Совет Грузии объявил о восстановлении суверенитета Республики Грузия на основании ранее проведенного, в марте 1991 г., всенародного референдума «О восстановлении независимости Грузии», реформированное грузинское государство было объявлено правопреемницей Грузинской Демократической Республики (ГДР), существовавшей в период 1918—1921 гг.

Стоит отметить, что декларированные на тот момент времени политико-правовые отношения между Грузией и Абхазией регулировались советской норма-

тивно-правовой базой, которая, в свою очередь, после референдума признавалась недействительной на всей территории Грузии. Как отмечает Г.В. Сляднева: «...коренное абхазское население вместе с большинством негрузинского населения (русские, армяне, греки, евреи, эстонцы и др.) не принимало участие в грузинском референдуме в Абхазии по вопросу о независимости и бойкотировало выборы президента Грузии З.К. Гамсахурдиа» [11. С. 69]. В сложной политической ситуации столкнулись диаметрально противоположенные интересы этнонациональных групп, которые оказались не способны прийти к двухстороннему соглашению или компромиссу [7. С. 59—61].

В августе 1992 г. в Москве состоялась многосторонняя встреча по вопросам преодоления конфликтной ситуации в регионе. Российская власть была нацелена на достижение взаимно удовлетворяющих результатов, поддерживая территориальную целостность Республики Грузия в ее советских границах. Очевидно, что в период развития конфликта абхазская сторона не располагала открытой поддержкой руководства России [7. С. 64]. Это было связано с рядом внутрисоветских проблем, прежде всего всплеском сепаратистских течений и движений, требовавших незамедлительной политической реакции и оперативных решений [1. С. 14—20].

14 августа 1992 г. войска Госсовета Грузии вторглись в Абхазию, это событие инициировало развитие масштабного и кровопролитного вооруженного конфликта. Боевые действия продолжались тринадцать месяцев, конец боевым действиям был положен 27 сентября 1993 г. освобождением города Сухум (столицы Абхазии). В итоге грузинская сторона претерпела поражение в начатой военной интервенции, и впоследствии потеряла всякий контроль над различными процессами в Абхазии. Результаты вооруженного этнополитического столкновения преобразовали социально-политическую конфигурацию в регионе и задали темп развития переговорного процесса по урегулированию грузино-абхазского конфликта [6].

Сегодня, как и в прошлом, отсутствуют общепризнанные причины обострения грузино-абхазских отношений, которые способны выступить константой и отправной точкой в процессе урегулирования для всех вовлеченных в конфликт сторон. Соответственно, достаточно неоднозначными и условными представляются попытки по прогнозированию положительного исхода в мирном переговорном процессе.

На ранних этапах урегулирования, после затяжного вооруженного столкновения, субъектам противостояния не удалось достичь поставленных целей, сложившиеся обстоятельства способствовали к развертыванию посреднической деятельности и формированию дискуссионных и консультативных площадок для стабилизации обстановки в зоне конфликта.

Первая попытка политического урегулирования грузино-абхазского конфликта была реализована в ходе многосторонней встречи в Москве 3 сентября 1992 г., обсуждалась ситуация вокруг Абхазии, и в итоге на совместном коммюнике участниками встречи был озвучен текст подписанного документа, регламентировавшего прекращение огня в зоне боевых действий [3. С. 13]. В частности, после встречи была создана специальная комиссия по мониторингу конфликтной ситуации из числа официальных представителей России, Грузии и Абхазии.

После обострения ситуации в августе 1992 г. Верховным Советом России было принято постановление, в котором осуждалась политика грузинского руководства, насильственным путем пытавшуюся решить проблему этнополитического и этно-территориального характера. В постановлении властям Грузии предлагалось незамедлительно прекратить вооруженные действия на территории Абхазии, вывести войска Госсвета Грузии за пределы республики и сфокусировать внимание на соблюдении и защите прав человека [4. С. 24].

Предварительное соглашение от 3 сентября 1992 г., принятое в Москве, не было выполнено, в данном повороте событий конфликтующие стороны безальтернативно обвиняли друг друга. Более того, весь 1992 г. привнес массу межэтнических противоречий во всем Кавказском регионе (азербайджано-армянский, грузино-осетинский и осетино-ингушский конфликты) [2. С. 143—149].

На первых этапах мирного переговорного процесса основной целью грузинской стороны было качественно откорректировать негативные последствия военного поражения, реабилитировать свое положение, заложить условия для репатриации грузинских беженцев и всеми доступными средствами воспрепятствовать национальному самоопределению Абхазии. Цель же России заключалась в интенсификации собственной посреднической роли, а также в усилении военно-политического влияния на геостратегическом плацдарме — Южном Кавказе, чему пытались всячески противодействовать своей погруженностью в переговорный процесс западноевропейские державы.

В августе 1993 г. была создана Миссия ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ). Многие важные положения и директивы по разрешению имеющихся проблем (взаимно обязывающего характера для сторон конфликта) были регламентированы в Женевском меморандуме от 1 декабря 1993 г., нацеленного на принуждение к миру и воздержание от применения военной силы [5. С. 319]. А также начала свою деятельность специальная рабочая группа специалистов-экспертов из России, Грузии, Абхазии, ООН и ОБСЕ для подготовки политико-правового заключения, рекомендательного типа, о возможном политическом статусе Абхазии.

Таким образом, можно констатировать, что к концу 1993 г. грузино-абхазский конфликт с включением третьих сторон в процесс его мирного урегулирования приобрел полноценный переговорно-дискуссионный формат, с участием ведущих международных игроков, включая Россию [8. С. 54—62].

Накануне Московского раунда переговоров, в середине декабря 1993 г., было принято единогласное решение о создании «Женевского переговорного процесса» под эгидой ООН. Следующий раунд переговоров по урегулированию грузино-абхазского конфликта, стартовавший в феврале 1994 г. в Женеве, был окончен 4 апреля 1994 г. в Москве. В ходе этого раунда было принято принципиальное заявление, которое декларировало меры политического урегулирования, в нем субъекты противостояния обязывались, в строгом соответствии с ранее достигнутыми соглашениями, соблюдать основополагающий пункт о прекращении огня. Стороны высказались за скорейшее развертывание миротворческого контингента на территории Абхазии. В этой связи логично предположить наличествовавшее

обоюдное желание сторон избежать эскалации нового, не менее масштабного вооруженного противостояния, которое могло бы быть спровоцировано спонтанно и бесконтрольно.

В ходе очередного московского раунда переговоров в мае 1994 г. абхазской стороной был представлен документ о совокупных мерах, направленных на урегулирование отношений между Грузией и Абхазией, ядром документа стало положение о декларировании равносубъектных политико-правовых отношений, которые определяли и обуславливали конфедеративное (союзное) устройство двух республик. Тем не менее, вполне ожидаемо другими участниками переговорного процесса проект документа не был и вовсе рассмотрен, в силу недопустимости и нецелесообразности пересмотра международно-политического статуса Грузии. Очевидно, проект никак не удовлетворял ключевым интересам и убеждениям грузинской стороны и ее главным (западным) партнерам. В мае 1994 г. было инициировано подписание соглашения о прекращении вооруженных действий в Абхазии, в практическом отношении это соглашение подкреплялось введением российского военного миротворческого контингента под эгидой СНГ, в целях предотвращения эскалации военного столкновения [5. С. 339—340]. Требования, которые выдвигались международными посредниками и грузинскими парламентариями, отрицали абхазское государственно-территориальное образование. Большинство участников переговорного процесса было единодушно в поддержании территориальной целостности и нерушимости границ Грузии. Тем не менее, принятые соглашения институционализировали процедуру урегулирования южно-кавказского этнополитического конфликта, сформулировали «правила игры» и формы взаимоотношений между оппонирующими сторонами, в том числе формат их двухстороннего взаимодействия [12. С. 199]. Важно отметить, что полномасштабное выполнение основных пунктов из принятых соглашений оптимизировало бы и без того затруднительный процесс урегулирования грузино-абхазского конфликта [15. С. 4—12].

С течением времени раунды Женевских переговоров приобрели формализованный характер, на этом фоне посредническая активность России заметно усилилась. Примечательно то, что с завершением острой фазы грузино-абхазского вооруженного конфликта в отношении Абхазии был предпринят санкционный режим по политической и экономической блокаде, как со стороны мирового сообщества, так и со стороны России, преследовавшей мирные пути разрешения грузино-абхазского противостояния. В 1995 г., при интенсивных многосторонних переговорах между абхазскими, грузинскими и российскими представителями и с участием специального представителя ООН Э. Бруннера, был подготовлен проект протокола, определявший принципы урегулирования грузино-абхазского конфликта. Впоследствии абхазская сторона ликвидировала свои визы с протокола в связи с имевшимися противоречиями Конституции Республики Абхазия [14].

В 1997 г. было составлено очередное соглашение о формате и мерах урегулирования грузино-абхазского этнополитического конфликта, в нем были сосредоточены положения о создании и функционировании федеративного государственно-территориального образования с четким разграничением сфер ведения и компетенций как центра, так и субъектов (регионов).

Одним из инициаторов данного соглашения, активно его «лоббировавшего», был премьер-министр России Е.М. Примаков, по его же настоянию состоялась встреча абхазского лидера и грузинского руководства в Тбилиси. Однако в очередной раз ключевой документ не был подписан, но уже грузинской стороной, причиной демарша стало отсутствие отдельного пункта о территориальной целостности Грузии, что, по мнению грузинской стороны, оставляло проблему нерешенной.

В череде упомянутых событий прослеживалось влияние на Грузию ее международных партнеров, вовлеченных в процесс урегулирования, и не случайно президент Грузии Э.А. Шеварднадзе рассматривал возможность укрепления политико-экономических связей с западными странами именно в этот период.

В ходе ноябрьской сессии 1997 г. Женевского переговорного процесса было объявлено о необходимости плотного и скоординированного участия международной посреднической рабочей группы, созданной в 1993 г. Ее деятельность была ориентирована на выработку совокупных мер и общей программы действий по преодолению кризиса в грузино-абхазских отношениях, но предлагавшиеся механизмы не оправдывали ожидания ни грузинской стороны, ни абхазской.

Следующая многосторонняя встреча была организована в Стамбуле, в июне 1998 г., в ходе консультаций обсуждались варианты налаживания доверительных отношений между сторонами противостояния, развитию их торгово-экономических связей и информационно-аналитическому взаимодействию. Очевидно, стороны были лишены конструктивного диалога по причине отсутствия взаимодоверия и взаимопонимания, дефицит которых лишал возможности найти общие «точки соприкосновения» [5. С. 429].

Последующее изменение структуры мирных переговоров по урегулированию грузино-абхазского конфликта было обусловлено проведенным в октябре 1999 г. плебисцитом о принятии Конституции Республики Абхазия, и в итоге одобренной участвовавшим абхазским электоратом. Бесспорно, волеизъявление народа закрепляло право национального самоопределения, это позволило (хоть и в одностороннем порядке) вывести из спектра обсуждений на международных переговорах вопрос касательно политического статуса Абхазии.

Бурные внутривнутриполитические процессы в Абхазии происходили параллельно со сменой высшего руководства России, приходом к власти В.В. Путина. В российско-грузинских отношениях наблюдалась стагнация, «прозападные» ориентиры грузинского руководства размывали вековую дружественную риторику по отношению к России. Тривиальная причина заключалась в том, что Грузия устремилась в сторону евроинтеграции и усиления взаимодействия с военно-политическим блоком НАТО. Меняется и позиция России в отношении к Абхазии, как отмечают О.С. Самутина и К.В. Юматов, именно косвенное взаимодействие России с Абхазией в политической и экономической областях, а также выдача российского гражданства абхазскому населению стали причиной обвинений в адрес российских должностных лиц как пособников «абхазского сепаратизма» [10. С. 223—230].

К 2003 г. наблюдался кризисный период в процессе мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта. Заинтересованность России в стабильности

и безопасности на Кавказе оправдывала действия российской власти, перехватившей инициативу независимого и беспристрастного арбитра у ООН. События 2003—2004-х гг. привнесли преобразования в структуру политического истеблишмента противоборствующих сторон: в Грузии это выразилось революционным приходом к власти М.Н. Саакашвили; в Абхазии, в условиях жесткой политической конкуренции за президентскую должность, победой на президентских выборах С.В. Багапша.

Обновление политической власти в Грузии повлекло предсказуемую реакцию внешних сил. Ранее участвовавший в качестве посредника в переговорном процессе по разрешению грузино-абхазского конфликта Европейский Союз стал проявлять уверенную позицию, к тому же грузинское руководство обрело безальтернативный прозападному политический курс, подкрепленный давним стремлением к евроинтеграции и членству в НАТО. Конфронтационный жанр в грузино-абхазских взаимоотношениях определили события июля 2006 г., когда Грузия ввела на территорию Кодорского ущелья Абхазии военный контингент, аргументируя свои действия как необходимую процедуру по восстановлению конституционного порядка.

Условия для мирных переговоров были полностью исчерпаны, а российско-грузинские отношения свелись к историческому минимуму. Накопленная напряженность, неоднозначность и неясность вокруг статуса Абхазии и Южной Осетии стали импульсом к известным событиям августа 2008 г. 26 августа 2008 г. признание независимости Абхазии и Южной Осетии Российской Федерацией стало новой точкой отсчета в трансформировавшемся грузино-абхазском противостоянии.

После событий августа 2008 г. видоизменилась геополитическая архитектура во всем Кавказском регионе, изменилась структура грузино-абхазского конфликта и российско-грузинских отношений. Несмотря на признание Российской Федерацией независимости Абхазии не были сняты ключевые проблемы грузино-абхазского конфликта.

Данное противостояние невозможно ликвидировать в силу объективных причин, в числе которых диспаратетные отношения. Важно отметить, что наиболее эффективным методом разрешения грузино-абхазского этнополитического противоречия может служить модель трансформации конфликта, не предполагающая полного исчерпания конфликтных оснований, но базирующаяся на выработке мер по удовлетворению потребностей населения и соблюдения прав в зоне конфликта. Модель предполагает восстановление баланса ассиметричных взаимоотношений переговорным путем. Однако в этом направлении есть серьезные трудности и проблемы политико-правового и ценностно-психологического характера.

Важно отметить, что негативным элементом в переговорном процессе после военных действий 1992—1993 гг. вплоть до 2008 г. являлась несбалансированная и малоэффективная деятельность западных посредников, которые, утверждая о безоговорочной территориальной целостности Грузии, лишали себя роли нейт-

рального посредника. Современные поступающие сигналы свидетельствуют о преобразовании стратегии поведения в отношении Абхазии, заключающейся во взаимодействии, но отказе от признания суверенитета, однако эффективность реализации взаимодействия осложняется колебанием европейцев в принятии судьбоносных политических решений. Усиление активности Европейского Союза на Южном Кавказе не может происходить без ущемления интересов Российской Федерации. Но, в силу существующих геополитических реалий безусловно то, что Российской Федерацией реализуются стратегические национальные интересы, поддерживается безопасность и стабильность в регионе, и данный курс является абсолютно инвариантным.

В заключение необходимо отметить, что возвращение к прошлым моделям грузино-абхазских отношений просто невозможно. И в данном случае необходима выработка оптимальных взаимно удовлетворяющих процедур, в условиях право-субъектности и равноправности на международных переговорных площадках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ахметов А.А.* Сепаратизм в России и на постсоветском пространстве и пути его преодоления // автореферат диссертации кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2013.
- [2] *Блищенко В.И., Солнцева М.М.* Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. М., 2014.
- [3] *Дипломатический вестник.* 1992. № 18.
- [4] *Дипломатический вестник.* 1992. № 20.
- [5] *Конфликты в Абхазии и Южной Осетии (документы 1989—2006 гг.) / сост. М.А. Волхонский, В.А. Захаров, Ю.Н. Силаев.* М., 2008.
- [6] *Лакоба С.З.* Абхазия-де-факто или Грузия-де-юре? // Slavic Research Center. 2001. URL: <http://apsnyteka.org/104-Lakoba1.html>.
- [7] *Маркедонов С.М.* Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Ереван: Институт Кавказа, 2012.
- [8] *Маркедонов С.М.* Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М., 2010.
- [9] *Мусаелян Л.А.* Об одной коллизии в международном праве и возможном способе ее разрешения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28).
- [10] *Самутина О.С., Юматов К.В.* Европейский Союз, Россия и грузино-абхазский конфликт (1992—2015 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3(63).
- [11] *Сляднева Г.В.* Грузино-абхазский конфликт: генезис, современное состояние, перспективы урегулирования (политологический анализ) // диссертация кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2015.
- [12] *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011.
- [13] *Тужба Э.Н.* Абхазия в глобализирующем мире: социологический анализ. М., 2011.
- [14] *Хинтба И.Р.* Основные этапы переговорного процесса (1992—2008): эволюция подходов и анализ результатов // Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы. Сухум, 2011.
- [15] *Шамба С.М.* Переговорный процесс: надежды и разочарования // Абхазия — Грузия: Препятствия на пути к миру. Сухум, 2000.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-3-316-324

THE DYNAMICS OF PEACEFUL RESOLUTION OF THE GEORGIAN-ABKHAZ CONFLICT (BEFORE THE AUGUST 2008 EVENTS)

A.O. Lasariya

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy prosp., 27-4, 119991, Moscow, Russia

Abstract. In this article, research attention is paid to the structure and dynamics of the peaceful resolution of ethnopolitical conflicts in the Caucasus region (on the example of the Georgian-Abkhaz confrontation). The study takes into account the factors that were the catalysts of the escalation of the ethnopolitical conflict in the territory of Abkhazia. The collapse of the USSR and the collapse of the ideology of internationalism led to the need to develop a completely new identity. Most of the elites and socio-political movements of the post-Soviet period have focused on the formation of ideological structures from national and historical roots. In the last decade of the 20th century, the tendencies towards the realization of the right to national self-determination (in Abkhazia and South Ossetia) and on the other hand to maintain the territorial integrity of the state (for example, in post-Soviet Georgia) acquired an antagonistic character. An important political goal is to identify conceptual aspects of the resolution of the Georgian-Abkhaz conflict, which can be used as a basis for elaborating mechanisms for regulating ethnopolitical conflicts in the Caucasus region.

Key words: mediation, settlement, resolution, negotiation process, ethnopolitical conflict, Caucasus region, Georgian-Abkhaz conflict, Russia, UN, OSCE, Geneva discussions, South Caucasus, Transcaucasia, settlement

REFERENCES

- [1] Ahmetov A.A. *Separatizm v Rossii i na postsovetском prostranstve i puti ego preodolenija*. Avtoreferat dissertacii kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02. M., 2013 (in Russ).
- [2] Blishhenko V.I., Solnceva M.M. *Krizisy i konfliktiy na postsovetском prostranstve*. Moscow, 2014 (in Russ).
- [3] *Diplomaticheskij vestnik*. 1992. № 18 (in Russ).
- [4] *Diplomaticheskij vestnik*. 1992. № 20 (in Russ).
- [5] *Konfliktiy v Abhazii i Juzhnoj Osetii (dokumenty 1989—2006 gg.)*. Sost. M.A. Volhonskij, V.A. Zaharov, Ju.N. Silaev. Moscow, 2008 (in Russ).
- [6] Lakoba S.Z. *Abhazija-de-fakto ili Gruzija-de-jure?* Slavic Research Center. 2001. Available from: <http://apsnyteka.org/104-Lakoba1.html> (in Russ).
- [7] Markedonov S.M. *De-fakto obrazovaniya postsovetского prostranstva: dvadcat' let gosudarstvennogo stroitel'stva*. Erevan: Institut Kavkaza, 2012 (in Russ).
- [8] Markedonov S.M. *Turbulentnaja Evrazija: mezhjetnicheskie, grazhdanskie konfliktiy, ksenofobija v novyh nezavisimyh gosudarstvah postsovetского prostranstva*. Moscow, 2010 (in Russ).
- [9] Musaeljan L.A. *Ob odnoj kollizii v mezhdunarodnom prave i vozmozhnom sposobe ee razreshenija*. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*. 2015; 2 (28) (in Russ).
- [10] Samutina O.S., Jumatov K.V. *Evropejskij Sojuz, Rossija i gruzino-abhazskij konflikt (1992—2015 gg.)*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015; 3(63) (in Russ).
- [11] Sljadneva G.V. *Gruzino-abhazskij konflikt: genezis, sovremennoe sostojanie, perspektivy uregulirovaniya (politologicheskij analiz)*. Dissertacija kandidata politicheskikh nauk: 23.00.04. Moscow, 2015 (in Russ).
- [12] Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. *Jetnopolitologija: politicheskie funkcii jetnichnosti*. Moscow, 2011 (in Russ).

- [13] Tuzhba Je.N. *Abhazija v globalizirujushhem mire: sociologicheskij analiz*. Moscow, 2011 (in Russ).
- [14] Hintba I.R. Osnovnye jetapy peregovornogo processa (1992—2008): jevoljucija podhodov i analiz rezul'tatov. *Transformacija gruzino-abhazskogo konflikta: pereosmyslenie paradigm*. Suhum, 2011 (in Russ).
- [15] Shamba S.M. *Peregovornyj process: nadezhdy i razocharovaniya. Abhazija — Gruzija: Prepjatstvija na puti k miru*. Suhum, 2000 (in Russ).

© Ласария А.О., 2017

Об авторе

Ласария Айнар Отариевич — аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; *e-mail*: las.ain@mail.ru.

About the author

Lasariya Aynar Otariievich — postgraduate student of department of Russian policy of faculty of political science of Lomonosov Moscow State University; *e-mail*: las.ain@mail.ru.